

6. Ревакович М. *Persona non grata: нариси про Нью-Йоркську групу, модернізм та ідентичність* / М. Ревакович ; [пер. з англ. М. Дмитрієва та ін.]. – К. : Критика, 2012. – 335 с.
7. Ткаченко А. О. *Індивідуальний стиль: феноменологія/типологія ; динаміка/статика (на матеріалі творчості українських поетів 60–90-х років ХХ ст.)* : атореф. дис. ... д. філол. н. : 10.01.06 “Теорія літератури” ; 10.01.01 “Українська література” / А. О. Ткаченко. – К., 1998. – 36 с.
8. Фізер І. *Інтерв'ю з членами Нью-Йоркської групи (провів Іван Фізер)* / І. Фізер // *Нью-Йоркська група : антологія поезії, прози та есеїстики* / [упоряд. : М. Ревакович, В. Габор]. – Львів : Піраміда, 2012. – 397 с.

Анотація

У статті зроблено спробу проаналізувати екзистенційні мотиви як змістову складову поетичного ідіостилу на матеріалі поезій представників Нью-Йоркської групи, з'ясувати особливості екзистенційного світобачення поетів групи, знайти спільне і відмінне у модифікаціях цих мотивів. Також приділено увагу поняттю поетичного індивідуального стилю.

Ключові слова: поетичний ідіостиль, змістові доміанти стилю, екзистенційний мотив, Нью-Йоркська група.

Анотация

В статье предпринята попытка анализа экзистенциальных мотивов как смысловой составляющей поэтического идиостиля на материале поэзий представителей Нью-Йоркской группы, выяснения особенностей экзистенциального мировоззрения поэтов группы, определения общего и отличного в модификациях этих мотивов. Также уделено внимание понятию поэтического индивидуального стиля.

Ключевые слова: поэтический идиостиль, смысловые доминанты стиля, экзистенциальные мотивы, Нью-Йоркская группа.

Summary

There is made an attempt to analyse of existence reasons as by the semantic constituent of poetic idiostyle on material of poetries of representatives of the New York group, findings out of features of existence worldviews of the poets of group, determinations general and different in modifications of these reasons. Attention is turned on the concept of poetic individual style.

Keywords: poetic idiostyle, the semantic dominants of the style, existence reasons, the New York group.

УДК 82–1

Шеремет А. С.,
аспірантка,

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ПОЭЗИИ И. П. БОРОЗДНЫ

“Поэзия – религии небесной сестра земная” [4, 426], – эта строка из драматической поэмы “Камозэнс” В. А. Жуковского (1839 г.) во многом выразила сущностную основу романтизма, в особенности, в русской литературе, явившейся, по утверждению исследовательницы С. Г. Семёновой, “своего рода посвящением, наиболее эмоционально и интеллектуально убедительным, в какие-то сокровенные сути христианства, причём христианства, выходящего за катехизическую букву, драматически углубленного, светящегося полнотой блага” [13, 6]. Особую роль

литературы в духовной жизни общества осознавали её творцы, и не только поэты первого ряда, как, к примеру, В. А. Жуковский или А. С. Пушкин, но и менее известные литераторы.

Цель данной статьи – выявление особенностей религиозно-философского дискурса в творчестве Ивана Петровича Бороздны (1804–1858), поэта I трети XIX в., творчество которого исследованию не подвергалось. А между тем, как замечает В. А. Кошелев, “для историко-литературного процесса сплошь и рядом оказывается важнее именно исследование “третьестепенных” писателей, в литературной работе которых яснее, грубее и, соответственно, отчетливее выражены те тенденции, приемы, темы, идеологемы, которые в творчестве “великих”, подчас, сплавлены в труднорасчленимое целое” [5, 235]. Актуальность исследования определяется необходимостью исследования творчества поэтов “третьего” ряда, значимостью нравственно-религиозных вопросов в литературе, а также вниманием современных исследователей к проблеме традиционных, архетипических сюжетов в художественном произведении.

Итак, вслед за А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским, И. П. Бороздна обращался к теме богоизбранности поэта. В его изображении творец – не только счастливец, “богатый дарами судьбины” [3, 111], получающий “вдохновение свыше” [3, 138], но и свершающий “многотрудный путь” пророк, “верховный служитель” храма Вселенной [3, 139], “избранник Промысла святого” [1, 12]. Поэтому И. П. Бороздне было присуще стремление “показать вечное значение священных текстов, выявить в них общечеловеческое начало, обнаружить актуальность для современности” [8, 170]. Особое значение при этом имеет переложение сакральных текстов, прежде всего, псалмов, к концу XVIII в. вошедшее в русскую литературную традицию. А. Е. Нямцу утверждает, что популярность религиозно-мифологических сюжетов обусловлена “с одной стороны, общеизвестностью используемых культурных образцов и многозначностью их структурно-содержательных характеристик; с другой – подчеркнутой актуализацией вневременных координат традиционных сюжетов, переносом художественного внимания с разработки событийного плана на всестороннее исследование мировоззренческих и нравственных мотивировок канонических ситуаций” [10, 7]. В первой половине XIX в. переложения псалмов создают Д. И. Хвостов, Ф. Н. Глинка, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, Н. М. Языков и ряд менее известных поэтов, в числе которых – и И. П. Бороздна. В некрологе поэту, опубликованном в “Северной пчеле”, говорится о том, что незадолго до смерти И. П. Бороздна осуществил “переложение всего Псалтыря (так в тексте – А. Ш.) стихами, которое, к сожалению, осталось в рукописи” [7, 2]. Ряд переложений был опубликован в последнем сборнике И. П. Бороздны “Лучи и тени” (1847). В заглавии книги содержится выражение мировоззренческой позиции поэта: “Возвышенные, священные подлинники моих стихотворных преложений и парафразов, – объясняет он в предисловии, – вот *Лучи*, пред которыми все попытки передать те подлинники языком светским и опыты, подобные моему, суть только *Тени*” [2, 1]. Книга разделена на два отделения, в первое помещены парафразы сакральных

текстов, во второе – светские стихотворения. В качестве эпиграфа к первой части сборника взята строка из 85-го псалма: “В день скорби моя возвах к Тебе” [2, 2]. Сборник открывает “Видение Иезекииля” – переложение ветхозаветного откровения о воскрешении из мёртвых, которое, по мнению Л. Шихлярова, следует понимать как пророчество о том, что если Израиль выведет “правильный духовный урок из того, что и почему с ним произошло, то Ягвэ, для Которого нет невозможного, восставит его к обновленной жизни, и народ будет возвращен в родную землю” [14]. Основной же смысл откровения, по его мнению, заключается в том, что “смерть есть временное состояние, являющееся последствием греха, своего рода испытание, которое завершится всеобщим воскресением во плоти” [14]. Показательно, что именно это стихотворение было вынесено поэтом в начало сборника: “Видение Иезекииля”, выражающее одну из ключевых для христианства идей – идею воскрешения и вечной жизни, обозначило основную концепцию книги. К теме вавилонского плена И. П. Бороздна обращался и в переложениях псалмов. За “Видением Иезекииля” в книге следует “Песнь иудейских пленников” в двух вариантах – переложение 136-го псалма, плача еврейских изгнанников в вавилонском плену. Первый вариант И. П. Бороздна пишет двустопным амфибрахием, второй – четырёхстопным ямбом. Первый парафраз отличается менее сильной привязкой к тексту оригинала, нежели второй. Например, строку “Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши веселья: пропойте нам из песней Сионских” [11, 591] И. П. Бороздна перелагает следующим образом: ““Что ж песен Сионских / Не слышим от вас? / Иль вы их забыли?”, – / Коварно спросили / Пленившие нас” [2, 8–9]. Однако вавилоняне не спрашивали израильтян о песнях, они их требовали. Эта отсутствующая в первом переложении И. П. Бороздны деталь появляется во втором варианте: “Там те, кем в чуждые нам страны / Мы были в плен увлечены, / Нас вопрошать о песнях стали; / Те ж, кем мы были ведены, / Нас веселиться принуждали / И молвили с улыбкой злой: / “Что ж вы, под небом Вавилона / Из песен вашего Сиона / Нам не споёте ни одной?”” [2, 11–12]. Характерно, что и в первое, и во второе стихотворение поэтом вводятся характеристики действий вавилонян (“коварно спросили”, “с улыбкой злой”). Смысл этих характеристик соотносится с общепринятой трактовкой псалма. Прот. Г. Разумовский писал, что вавилоняне “требовали петь сионские песни не для того, чтобы получить им от сего какую-либо пользу, но чтобы посмеяться над евреями” [12]. Израильтяне же отказывались петь, потому что Закон повелевал только в одном месте – Иерусалиме – совершать богослужение и пение [12]. В оригинале ответ вавилонян звучит так: “Как нам петь песнь Господню на земле чужой?” [11, 591]. В первом варианте И. П. Бороздны он носит характер восклицания, а не риторического вопроса: “Нет! Песни священной, / Нам Богом внушенной, / Мы петь не дерзнём / На бреге чужом! / О родина! Звуки / Той песни твои – / И смолкли они / В час нашей разлуки!” [2, 9]. Второй вариант максимально приближен к оригиналу в плане лексики, стилистики и синтаксиса: “Как петь нам на земле чужой / Господню песнь?” [2, 12]. Следующий парафраз в

книге И. П. Бороздны – переложение 151-го псалма – о юности пастуха Давида, его помазании на царство и единоборстве с Голиафом. Поэт стремится к точности в передаче основной содержательно-сюжетной линии, однако его в его парафраз проникают художественные детали и тропы, отсутствующие в подлиннике. Так, лаконичное жизнеописание – “Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего; пас овец отца моего” [11, 596] – у И. П. Бороздны обрастает рядом частных подробностей: “Быв мал меж братьями своими / И всех в дому отца юнейший, с дней младых / Я пас овец его на пажитях родных / И привыкал скитаться с ними, / Столь низкой доли не кляня!” [2, 14]. Развитие получает и отрывок о богоизбранности будущего царя. Так, в псалме читаем: “Сам Господь, Сам услышал меня” [11, 596]. Поэт воспроизводит использованную в псалме стилистическую фигуру – анадиплосис (лексический повтор, представляющий собой повторение последнего слова или группы слов стиха в начале следующего): “Он Сам, Он Сам, к Кому измлада / Я в горе притекал, он слух ко мне склонил” [2, 14]. И. П. Бороздна привносит новые смысловые оттенки, возможно, стремясь изобразить Давида в меньшей степени собирательной личностью и наделить его индивидуальными характеристиками, впрочем, типичными для лирического героя своих романтических стихотворений (“с дней младых”, “пас овец на пажитях родных”, “низкой доли не кляня” и проч.). Герой 18-го псалма, воспевающего величие Творца и данного Им нравственного закона, в воссоздании И. П. Бороздны также соотносится с лирическим героем его светской лирики, который, “глаголу Вышнего внимая” [1, 55], более всех земных благ ценит “благословенные мгновенья духовного преображенья” [2, 78]. Особенно показательно в этом смысле стихотворение “Мелодия”, посвящённое описанию земных красот и восхвалению Творца: “весь мир сей величавый / Есть храм Твоей бессмертной славы” [3, 36]. В целом, для парафразов псалмов И. П. Бороздны характерна замена архаических словосочетаний на романтические клише при максимальной приближенности содержания к оригиналу. К примеру, эпизод из 6-го псалма – “Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою” [11, 537] – трансформируется в типичную для романтического стихотворения сцену: “Под гнётом горести своей / Я истомлен стенаньями, о Боже! / Ночь каждую своё я окропляю ложе / Слезами скорби!” [2, 22]; фраза “иссохло от печали око мое” [11, 537] также приобретает романтическую окраску: “свет очей померк уж у меня” [2, 22].

Этим же приёмом И. П. Бороздна пользуется и в переложениях молитв. К примеру, молитва в день Вознесения Господня в парафразе И. П. Бороздны, если опустить заглавие, выглядит как традиционное романтическое произведение. Душа её героя “Изнемогла под гнетом испытанья, / И вся растерзана, и нет ей упованья, / И жизнь бесцветная, как путь в степи глухой, / Печально тянется юдолию земной! / В душе моей темно, а на сердце так хладно, / Что бытие мое мне стало безотраднo!” [2, 27]. Сравним эти строки с отрывком из элегии 1845 г.: “Что тропа средь тощей степи, / Дней моих тернистый путь: / Сердце бьётся, ноет грудь, / И, как звенья тяжкой цепи, / Подавила их печаль” [2, 73]. При этом, как и

в переложениях псалмов, в парафразах молитв И. П. Бороздна строго следует сюжетной линии первоисточника, перелагая его современной лексикой, характерной для уже привычных ему романтических жанров: элегии, пасторали.

Необходимо отметить, что и светская, оригинальная лирика И. П. Бороздны, наряду с его переложениями сакральных текстов, входит в религиозно-философский дискурс, обозначая нравственно-смысловые ориентиры поэта. Ведь, как заметил Я. Н. Ктитарев, “религиозность произведений искусства, как их нравственность, вовсе не заключается в прямой разработке религиозных и моральных сюжетов, в иллюстрациях догматов веры и правил морали”, она, по его мнению, состоит в “общем духовном настроении художника, оплодотворяющем весь его художественный процесс” [6, 12]. Естественно, что интерес поэта к философским и морально-этическим вопросам, а также пути их разрешения определяются его мировоззренческой позицией. Так, к примеру, неоднократно подвергается художественному осмыслению проблема перехода “за грань земного мира” [2, 52]. И. П. Бороздна обращается к ней уже в первом сборнике “Опыты в стихах” (1828): “Я бездну вечности узрю без содроганья” [3, 102]. Причина его спокойствия – вера в то, что “не ужасен гроб тому, над чьей главой / Взошла бессмертия десница” [3, 17]. В позднем стихотворении “На смерть сестры Л. Н. М.” И. П. Бороздна пишет: “Ей легче там! Сует мирских / подняться шум туда не смеет, / Усталых путников земных / Покой там радостный лелеет” [2, 91], – по-прежнему решая “вечные” вопросы в традиционном для христианства ключе.

Таким образом, идейно-эстетические принципы творчества И. П. Бороздны, важнейшим из которых является его очевидная ориентация на православную культурную традицию I трети XIX, соотносятся с идейными доминантами текстов Священного Писания, избранными И. П. Бороздной для переложения. При создании парафразов основной творческой установкой поэта является стремление к точности в воспроизведении событийно-сюжетного пласта сакрального текста. В то же время, лексическая и стилистическая составляющая его парафразов соотносится с таковыми его светской лирики, представляющей собой результат напряжённого нравственного поиска и, как неотъемлемая составляющая литературного процесса начала XIX в., “ориентированной на постижение художественной правды, выдвигающей на передний план повествования достоверную психологическую интроспекцию персонажа” [9, 25–26].

Литература

1. Бороздна И. П. Лира / И. П. Бороздна. – М.: Типография Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1834. – 81 с.
2. Бороздна И. П. Лучи и тени / И. П. Бороздна. – М.: Типография Готье и Монигетти, 1847. – 87 с.
3. Бороздна И. П. Опыты в стихах / И. П. Бороздна. – М.: Издание Комиссионера Императорского Московского университета А. С. Ширяева, 1828. – 169 с.
4. Жуковский В. А. Камознс : драматическая поэма / В. А. Жуковский // Собрание сочинений : [в 4 т.]. – М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1959. – Т. 2 : баллады, поэмы и повести. – С. 401–430.
5. Кошелев В. А. Афанасий Фет: преодоление мифов / В. А. Кошелев. – Курск : Курский государственный университет, 2006. – 336 с.

6. Ктитарев Я. Н. Вопросы религии и морали в русской художественной литературе / Я. Н. Ктитарев. – Горки : Тип. В. А. Хейкина, 1909. – 286 с.
7. М. М. Некролог / М. М. // Северная Пчела : газ. полит. и лит. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1858. – № 277 (16 дек.). – С. 1162.
8. Мальчукова Т. Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х гг. / Т. Г. Мальчукова // Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2002. – Кн. 3. – С. 153–178.
9. Нечаенко Д. А. Сновидения в балладах В. А. Жуковского: от романтической мистики к религии Христа / Д. А. Нечаенко // Проблемы этико-художественной преемственности в литературе. – Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2006. – С. 23–37.
10. Нямцу А. Е. Легендарно-мифологические структуры в славянских и западноевропейских литературах / А. Е. Нямцу. – Черновцы : Рута, 2001. – 208 с.
11. Псалтырь // Библия : Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Изд-во Московской патриархии, 1988. – С. 536–596.
12. Разумовский Г. Псалом 136 [Электронный ресурс] / Г. Разумовский // Объяснение священной книги псалмов. – Режим доступа : http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/vethiy_zavet/razumovskiy_psalmi_19-all.shtml#1.
13. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы / С. Г. Семёнова. – М. : ИД "ПоПо", 2004. – 512 с.
14. Шихляров Л. Пророк Иезекииль [Электронный ресурс] / Л. Шихляров // Введение в Ветхий Завет : [конспект лекций]. – Режим доступа : <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/24sh/shihlarov/oldtestament/31.html>.

Анотація

Статтю присвячено виявленню особливостей релігійно-філософського дискурсу у творчому спадку І. П. Бороздни, поета І третини ХІХ в. У контексті релігійно-філософського дискурсу аналізу підлягають поетичні перекладення текстів Священного писання (пророцтва, псалми, молитви), а також світська лірика І. П. Бороздни. Здійснюється спроба виділити ідейно-естетичні принципи при створенні парафразів і морально-сміслові орієнтири поета у зв'язку з православною культурною традицією ХІХ в.

Ключові слова: І. П. Бороздна, релігійно-філософський дискурс, традиційний сюжет, парафраз.

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей религиозно-философского дискурса в творческом наследии Ивана Петровича Бороздна, поэта I трети XIX в. В контексте религиозно-философского дискурса анализу подвергаются поэтические переложения текстов Священного писания (пророчества, псалмы, молитвы), а также светская лирика И. П. Бороздна. Производится попытка выделить идейно-эстетические принципы при создании парафразов и нравственно-смысловые ориентиры поэта в их связи с православной культурной традицией XIX в.

Ключевые слова: И. П. Бороздна, религиозно-философский дискурс, традиционный сюжет, парафраз.

Summary

The article is devoted to distinguishing features of religious and philosophical discourse in the works of Ivan Borozdna, the poet of first third of the XIX century. The poetic transcriptions of texts of Holy Scripture (prophecies, psalms, prayers) in the context of religious and philosophical discourse are analyzed as well as secular lyrics of I. Borozdna. The attempt to highlight the poet ideological and aesthetic principles of meaning creation and paraphrases moral guidance in their correlation with the Orthodox cultural tradition of the XIX century takes place.

Keywords: I. Borozdna, religious and philosophical discourse, traditional subject, paraphrase.